

A romantic couple is shown in a close embrace, their faces nearly touching, in a scene set during a heavy rain at night. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a dark, possibly wet, dress. The man, on the right, has dark, slightly messy hair and is wearing a dark shirt. They are both looking down at each other with soft expressions. The background is dark, with a large, bright full moon in the upper left corner and several out-of-focus, warm-toned lights (possibly city lights or street lamps) creating a bokeh effect. The rain is visible as numerous white streaks falling across the entire scene, adding to the atmospheric and romantic feel. The overall color palette is dominated by deep blues, blacks, and the warm glow of the moon and lights.

Елена Бурмистрова

Дождь
на двоих

Елена Бурмистрова

Дождь на двоих

«Автор»

2026

Бурмистрова Е. В.

Дождь на двоих / Е. В. Бурмистрова — «Автор», 2026

После смерти мамы София теряет свой привычный мир: из Москвы ей вместе с отцом приходится уехать в маленький сибирский городок. В новой школе София сразу становится чужой. Класс здесь давно разделён на касты, и «элиты» она — мишень: слишком тихая, слишком «московская» и слишком красивая. Каждый день превращается в испытание, где нужно не просто учиться, а выживать. Но в этом холодном мире находится тот, кто смотрит на неё иначе, — Игорь, красавчик, король школы, капитан футбольной команды, сын мэра города. Для всех он — уверенный, неуязвимый, тот, чьё слово — закон. Между ними зарождается чувство: тихое, как первые капли дождя, но с каждой встречей набирающее силу. Их сближение становится вызовом неписаным правилам школы. Давление нарастает: злые шутки, сплетни, мелкие пакости. Но против их любви выступают не только одноклассники, и тогда интриги заходят слишком далеко

© Бурмистрова Е. В., 2026

© Автор, 2026

Елена Бурмистрова

Дождь на двоих

Сумеречный маленький городок тонул в серой дымке. Фонари зажигались один за другим, бросая дрожащие блики на мокрый асфальт. Недавний дождь оставил после себя зеркальные лужи, в которых отражались обрывки облаков.

Они стояли на крыше старой школы. Их силуэты вырисовывались на фоне угасающего неба, где уже проступали первые звёзды. Холодный ветер играл с прядями её волос, подхватывал полы его куртки, будто пытался разорвать эту последнюю связь между ними.

Они стояли у самого края не физически, а так, как стоят на пороге неизбежного: на границе между «ещё можно что-то исправить» и «уже слишком поздно». Воздух вокруг них был накален от невысказанных слов, от воспоминаний, что цеплялись за каждый взгляд, за каждое случайное прикосновение пальцев.

Где-то внизу сигналили машины, смеялись прохожие, играла музыка из открытого кафе. Но здесь, наверху, время словно замедлило ход. Каждый вздох отдавался эхом в груди, каждая секунда растягивалась в вечность. Снова пошел дождь. Он стекал по их лицам, рукам, плечам и одежде. Она поморщилась.

– Все также ненавидишь дождь? – горько усмехнулся он.

– Больше, чем когда либо..., – прошептала она.

София... Её мама умерла, когда её было 13. Они с отцом остались в Москве совсем одни. Мегполис, в котором она родилась, сразу перестал для неё существовать с его звуками, толпами людей, развлечениями и радостями. Она потеряла интерес ко всему: учебе, танцевальным занятиям, урокам английского, встречам с друзьями. Друзьями? Да, собственно, настоящих друзей у неё и не было. Её единственным другом была мама, но она ушла. София не могла поверить в это, не могла привыкнуть, смириться. Она злилась, плакала, опускалась в депрессию, уходила из дома – в общем, прошла все круги ада. Всё стало безрадостным после того, как не стало мамы. Ещё недавно их двухкомнатная квартира звенела маминым смехом, пахла ванилью от свежее испечённых кексов, наполнялась музыкой. Теперь здесь царили тишина и порядок – слишком идеальный, неживой. Папа старался, убирал всё до блеска, будто надеялся, что чистота вытеснит боль. Но она никуда не девалась. София постоянно вспоминала, как мама водила её по Москве: они гуляли в Парке Горького, кормили уток в Нескучном саду, катались на колесе обозрения, и мама всегда говорила: «Смотри, Сонечка, какая красота! Запоминай, это твоё». Теперь эти места казались чужими. Каждый уголок, где они бывали вдвоём, напоминал о потере и делал боль ещё острее. Как-то мама нашла красивый маленький камень на берегу Волги, когда они ездили в отпуск три года назад. «Давай договоримся – в нем наша память, – сказала тогда мама. Теперь он всегда был с Софией, но этого было так мало, так убийственно мало! Мама... Почему всё так несправедливо? Почему именно сейчас, когда она так в ней нуждалась? Кто теперь объяснит, как быть, если всё кажется серым и бессмысленным?

Итак, в школе дела обстояли совсем плохо – из круглой отличницы она превратилась в троечницу и неудачницу. Софию и раньше-то все считали белой вороной в классе, а теперь она была просто лишняя в их веселом и дружном коллективе. Школьные подруги вместо того, чтобы помочь и поддержать её, сразу отделились. Она им стала в тягость. Так прошли три долгих и ужасных года. И тут случилось то, что перевернуло её жизнь с ног на голову. Отца по службе перевели в Сибирь, в маленький городок с романтичным названием Снежный. Ей предстояло там закончить старшую школу...

Еще три года назад она не представляла себе, как можно жить где-то еще, кроме Москвы, теперь же душа стремилась к именно такой тишине, уединению и спокойствию. Они приехали в Снежный в августе. Отец настоял, чтобы его отправили в Сибирь раньше сентября, так как его дочери нужно было подготовиться к школе. София не понимала, зачем. Что там готовить? Учебники? Их выдадут. Тетради можно купить за пять минут. Одежда? Отец не ограничивал её покупки, она могла купить себе любую одежду за любые деньги, но этого не было нужно. Она взяла с собой несколько блузок, жилет и пиджак. Джинсы, её любимые, которые отец называл «странный одеждой для школы», были всегда при ней.

– Приехали, София. Наш новый дом, – сказал осторожно отец.

Она подняла глаза и увидела двухэтажный дом с покосившейся крышей, окружённый заросшим садом. Серое небо, низкие тучи и резкий ветер, пробирающий до костей в августе, – всё это удивляло и казалось ей воплощением её внутреннего состояния.

Отец, будто стараясь развеять мрачные мысли, бодро произнёс:

– Ну, что скажешь? Место тихое, спокойное. И дом крепкий, просто ремонта требует. Зато у тебя будет своя комната на втором этаже с видом на лес!

Она молча кивнула, но в душе всё сжалось. Москва, их старая квартира, запах маминых духов на шарфе в прихожей, её тёплые руки, гладящие по голове перед сном – всё это осталось где-то далеко, будто в другой жизни.

Они вошли внутрь. Дом встретил их затхлым воздухом и скрипом старых половиц. София медленно поднялась по лестнице, не замечая трещин на стенах и облупившейся краски. В комнате, которую отец назвал её, было холодно и пусто. Она подошла к окну: за стеклом простирались бесконечные сибирские леса, тёмные и молчаливые, как её горе.

«Мама никогда не увидит этого места», – мелькнула мысль, и к горлу подкатил ком. Она села на пол, прислонилась спиной к стене и крепко прижала зайца к груди. Слезы покатались по щекам.

Внизу послышались шаги отца. Он остановился у двери, не решаясь войти, и тихо сказал:

– София, я знаю, как тебе тяжело. Мне тоже... Но мы справимся. Вместе. Обещаю. А мебель сегодня привезут. Я выбрал на свой вкус, но надеюсь, что тебе понравится.

Она не ответила, но в глубине души почувствовала слабый проблеск чего-то – не надежды, нет, ещё не надежды. Просто понимания, что она не одна. Отец был рядом. И, может быть, когда-нибудь этот холодный дом станет им настоящим домом. Но пока... пока она просто скучала. Безумно, до боли скучала по маме. Она никогда не жила в частном доме, у них даже дачи не было, поэтому эта сторона жизни «непонятно где» её устраивала. Отдельная комната на втором этаже была очень кстати. Она любила уединение.

Проходили дни. Приближался сентябрь. София все еще по ночам прижимала к груди потрёпанного плюшевого зайца – единственного свидетеля её детских секретов и ночных слёз. Спустя некоторое время она стала адекватно воспринимать место, куда они переехали. Городок ей в целом нравился. Было видно, что мэр следит за тем, чтобы в нем было чисто и уютно.

Школа, в которую они с отцом пришли на следующий день, произвела на неё унылое впечатление. Двухэтажное серое здание, в котором делали ремонт, видимо, в позапрошлом веке. Единственное крыло школы, где находились кабинеты администрации, сверкало ярким современным ремонтом. Здесь были пластиковые окна стояли кулеры, мягкая кожаная мебель, на светлых стенах висели немногочисленные стенды с детским творчеством. Они нашли кабинет директора, и отец тихонько постучал.

– Здравствуйте. Мы можем зайти? – спросил он.

– Проходите. Вы по какому вопросу? – громко спросила приятная, миловидная женщина, по всей видимости она и была директором. – Хотя, вижу. Новенькая? Вы к нам в школу?

– Да. В 11 класс, – сказал отец. – Меня зовут Степан Викторович.

– Меня предупреждали. Вы же из Москвы? Я вспомнила! – улыбнулась женщина. – Очень приятно. Ирина Сергеевна, директор. Вы присаживайтесь. Документы при вас?

– Конечно. Вот, – сказал отец и положил папку с документами на стол.

– А дочку как у нас зовут? Молчаливая какая! – сказала Ирина Сергеевна.

– София, – ответил отец.

– София Степановна Серафимовская. Красиво. Как с успеваемостью?

Повисла пауза. Отец посмотрел на дочь, и она поняла, что он хотел бы остаться с директором наедине. Сейчас он пустится в объяснения причин её плохой успеваемости, трудности детства и потери матери. Она это слушать не хотела, потому, сжав крепче в руке «мамин камень», моментально покинула кабинет.

Она подошла к окну. На стекле появились первые капли дождя. Как же она не любила дождь! Ей казалось, что дождь – это все слезы мира, которые периодически изливаются на землю. И её слёзы...

Из кабинета послышался тревожный голос отца.

– Я хочу, чтобы Вы определили мою дочь в 11 «Б» класс, – услышала София.

– Почему не в «А»? Ей там будет комфортнее. В этом классе дети немного слабее, она не будет там белой вороной. Она же троечница.

– Моя дочь до 8 класса была круглой отличницей! Только потеря матери превратила ее жизнь в пытку, и она стала равнодушной к учебе. Она восстановится. Обещаю. И потом, Алла Петровна мне обещала...

– Вы лично знакомы с Аллой Петровной? – голос директора изменился.

– Она меня и вызвала на работу сюда.

– Вы новый заместитель мэра? – вскрикнула директор. – Я так рада! Конечно, Ваша дочь будет учиться там, где хотите.

София грустно улыбнулась. Впервые высокое положение отца что-то меняло в её судьбе. Её же было абсолютно все равно, в каком классе учиться. Мимо нее в этот момент в кабинет директора прошла красивая молодая женщина, и через минуту София услышала свое имя.

– Елена Дмитриевна, принимайте новенькую в Ваш класс, – радостно сказала директор и представила их друг другу. – Это, София, твой классный руководитель, учитель английского языка Елена Дмитриевна, а это София Серафимовская. Она из Москвы.

– Ирина Сергеевна, Вы уверены? – вдруг спросила Елена Дмитриевна.

София переглянулась с отцом, он пожал плечами.

– В чем, простите? Я не поняла, – холодным тоном спросила директор.

– У меня нет свободных мест в классе, – также холодно ответила учитель.

– Мы не про транспорт и билеты сейчас разговариваем. София будет учиться у вас.

– В 11 «А» на пять человек меньше, почему девочку не посадить туда? Тем более, простите, успеваемость тут...

– Вы не хотите принимать мою дочь в своей класс? – спросил отец.

– Нет, не в этом дело, – замаялась Елена Дмитриевна.

– А в чем? – спросил он.

– Понимаете, в моем классе, я боюсь, ей будет не очень комфортно.

– Это еще почему в «звездном» классе ей будет некомфортно? – вступила Ирина Сергеевна.

– Вот именно, в «звездном», – вздохнула Елена Дмитриевна. – Как скажете, записывайте в мой. Я предупредила.

Она вышла из кабинета, отец последовал за ней. София, постояв еще несколько секунд, попрощалась и тоже удалилась.

- Елена Дмитриевна, постойте, – крикнул отец.
- Учитель остановилась и, не оборачиваясь, ждала, пока он ее догонит.
- Объясните, пожалуйста, что не так в Вашем классе? Вы не хотели принимать мою дочь из-за троек?
- Разумеется, нет. У нас половина троечников.
- Тогда что?
- Понимаете, как бы Вам объяснить так, чтобы меня потом не уволили за мои откровения?
- Никто Вас не уволит. Что за ерунда! – возразил отец.
- У меня крайне сложный класс. Тут собраны дети «сильных мира сего». Со мной они предельно вежливы и любят меня, но между собой... Я бы сравнила мой коллектив с джунглями, где выживает сильнейший.
- Моей дочери не до выяснений, кто сильнее или моднее. Она придет учиться.
- Учиться можно только в спокойной обстановке. Честно скажу – таковой у меня в классе нет.
- А как же Вы? Вы же должны их воспитывать!
- Я взяла этот класс год назад. Попробуйте перевоспитать сына мэра или дочку высокопоставленного чиновника! Я стараюсь объяснять детям, что и как, но это мало помогает. Алла Петровна вас определила в мой класс? Скажите честно.
- Да. Она сказала, что было бы великолепно, чтобы наши дети учились в одном классе.
- Хорошо, давайте попробуем. Вы всегда сможете перевестись, если не понравится. Жду вас на линейке первого сентября. У нас форма. Зайдите к завхозу, она подберет Софье платье. И еще в библиотеку.

День, когда София отправилась в новую школу ознаменовался проливным дождем. Отец всунул ей букет цветов, но она наотрез отказалась его нести, показывая на сумку и зонт. Степан вздохнул и не стал настаивать. Она зашла в ворота школы и сразу поняла, что ее испытания начались. На крыльце стояли красивые и разодетые девушки, совсем не в школьной форме, и разглядывали ее, словно она была декоративным зверьком в клетке.

- Привет. Вы не подскажете, как пройти в актовый зал? – спросила София у девушек.
- Идешь прямо, сворачиваешь под лестницу – там будет актовый, – серьезно сказала она из них.

София так и сделала и уперлась в мужской туалет.

- Очень смешно, – прошептала она.

Из туалета выскочил высокий рыжеволосый парень с яркими зелеными глазами. Он немного смутился.

- Ты тут чего? Тут мужской только, – сказал он.
- Уже вижу. Актовый зал где? Только не посылай меня в подвал или еще куда. Шутки так себе.

Парень рассмеялся.

- Это тебя не наши красотки сюда отправили?
- Не знаю, кто из них «ваши красотки». Там много девушек было.
- Понятно. Ты новенькая? Как звать? В какой класс?
- София. В 11 «Б».

Парень немного изменился в лице.

- Ты к нам? Я тоже в 11 «Б». Меня зовут Глеб. Глеб Ралтенгоф. Меня все зовут «Ранец». Не удивляйся.
- Не буду. Так где линейка?

– Пойдем покажу. Я тоже туда.

После линейки София зашла в класс последняя. Все дружно обратили на нее внимание, и класс затих.

– Ребята, давайте начнем со знакомства с новенькой, – сказала Елена Дмитриевна. – Её зовут София Серафимовская. Она будет учиться в нашем классе. Приехала к нам из Москвы.

– Выгнали что ли или сослали? – прозвучал вопрос под всеобщий хохот.

– Мария, так нельзя. Будьте приветливее, пожалуйста. Семья Софии переехала сюда по работе, – сказала учитель.

– А у Софии Серафимовской языка нет? – спросила девушка с короткой стрижкой и черными волосами. Косметика на ее лице была настолько вызывающей, что София поморщилась.

– Вероника, заткнись, – громко сказал Глеб.

– Ранец успел влюбиться? – засмеялись все. – В туалете встретились?

– Очень смешно, – огрызнулся Глеб.

– Язык у меня есть. Все нормально. Я могу сесть? – спросила у учителя София.

– Конечно, присаживайся. Мы сейчас начинаем, – сказала Елена Дмитриевна.

София оглядела класс и направилась прямо к последней парте у окна. В классе раздался неодобрительный гул. Она села за пустую парту и вопросительно посмотрела на одноклассников.

– Что? – спросила она.

– За эту парту садиться нельзя, – прошептала девушка, сидящая впереди.

– Почему? – удивилась София. – Парта свободная.

– Это парта Соболя. Он никому не позволяет за нее садиться. Меня, кстати, Лара зовут.

– Не вижу никакого Соболя, – сказала София. – Приятно познакомиться.

– А его и нет. Он на Бали отдыхает. Вернется через неделю, – сказал парень со светлыми волнистыми волосами и ярко-синими глазами по имени Даниил. При этом шикарном наборе красивым его назвать было сложно, но он все равно притягивал взгляд.

– Пока Игоря Соболева нет, София посидит на его месте. Потом мы попросим дополнительную парту. А сейчас давайте общаться, – весело сказала Елена Дмитриевна. – Расскажите на английском языке, где и как вы провели лето. Мы послушаем и зададим вопросы.

Прошла неделя. Каждый день приносил новые испытания. Класс оказался сплоченным, но недружелюбным: шутки за спиной, «случайно» опрокинутый портфель, пролитый на платье сок, игнорирование, когда она пыталась заговорить. На перемене кто-то шепнул ей: «Москва тут не в почёте».

Труднее всего было на уроках. Программа отличалась от московской, и София, и так запустившая учебный материал, порой не успевала за темпом. На математике, когда она подняла руку с неуверенным ответом, Денис, местный заводила, громко бросил:

– Ну, конечно, москвичи же самые умные.

Класс засмеялся. Марина Сергеевна, учитель математики, строго осадил Дениса, но София покраснела и опустила глаза.

Она старалась не сдаваться: оставалась после уроков, чтобы разобрать сложные темы, записывалась на консультации. Однажды, увидев, как она в одиночку убирает разбросанные по полу кем-то тетради, к ней подошла Лиза, единственная тихая и дружелюбная девушка с предпоследней парты.

– Давай помогу, – предложила она. – И не обращай на них внимания. Они просто боятся, что ты окажешься лучше.

– Кто боится? – равнодушно спросила София.

– Особенно девчонки.

– Почему?

– Не знаю. Они не любят конкуренции.

- В чем я могу им составить конкуренцию? – усмехнулась София.
- Ты красивая, этого достаточно. На твои волнистые волосы засматриваются те, у кого таких нет. Да и глаза зеленые, а сочетание темных волос с зелеными глазами – вообще блеск.
- Да какая там красивая! – отмахнулась София.
- Ну, какая есть. Это еще Соболь не вернулся. Сейчас начнется! – вздохнула Лиза.
- Что начнется?
- Цирк с конями.
- Кто он?
- Сын мэра. Вернее, мэриши. Самовлюбленный придурок. Красивый, как Бог, но...
- Расскажи мне о нем, – вдруг попросила София.
- Ого! Даже не думай. Он столько сердец тут разбил, что и не сосчитать. Ему никто не нужен. Он нарцисс. Представь себе – фигура спортивная, высокий, черные волосы, спускающиеся стильно на глаза с обеих сторон, глаза черные огромные, губы секси.
- Ты сама часом в него не влюблена? – улыбнулась София.
- Боже упаси. Еще чего! У нас уже все девочки поняли, что в него влюбляться бесполезно, кроме Дианки.
- А она?
- Диана думает, что он с ней встречается, но он просто по-моему весело проводит с ней время. Между нами – она боится его реакции на тебя.
- С чего ты взяла?
- Я слышала в туалете их разговор с Леркой.
- Пусть не беспокоится. Мне сейчас не до Богов.
- Она этого не знает. И не знает, как он прореагирует на тебя. Ты только не поддавайся, если что. Он гад первостатейный. Перешагнет и забудет, а ты будешь страдать, как дурочка.
- Лиза, я и так уже давно страдаю. Меня никакими страданиями не испугать.
- То есть ты допускаешь, что можешь в него влюбиться? – раскрыла широко и так огромные свои глаза Лиза.
- Ничего я не допускаю. Я же сказала, что мне не до любви. Я просто хочу спокойно закончить школу и вернуться домой. Или не вернуться. Я не знаю.
- Слушай, а давай держаться вместе. Ты классная и несчастная какая-то. Я помогу тебе во все тут вникнуть. Меня они не трогают, у меня родители крутые, проблем не будет.
- Хорошо. Я с радостью буду твоей подружкой, – улыбнулась София.

Сентябрьское солнце щедро заливало коридоры школы золотистым светом. Все знали: в этот день вернется он – Игорь Соболев, неформальный король школы, звезда футбольной команды, красавец, сын мэра и просто парень, чье появление всегда вызывало шумиху.

Игорь уверенно шагал по коридору. Стильная куртка, шикарный бронзовый загар, безупречная причёска, вокруг толпились друзья, кто-то хлопал его по плечу, девчонки переглядывались и краснели. Он распахнул дверь класса, и гул разговоров на мгновение стих. Все обернулись: «Соболь вернулся!»

Он направился к своей последней парте у окна – месту, которое все давно считали его личным тронem. Но вдруг шаг замедлился. За его партой сидела девушка. Новенькая.

Она подняла глаза – ярко-зеленые, спокойные, чуть насмешливые, будто вовсе не впечатлительная толпой, что следовала за Соболевem. На парте лежали аккуратно разложенные тетради и ручка. Она просто сидела там как будто имела полное право.

Лицо Соболя мгновенно изменилось. Улыбка погасла, брови сошлись на переносице. Он остановился в двух шагах от парты и резко, почти грубо, бросил:

- Девочка, ты ничего не попутала? Это моё место.

В классе повисла тишина. Друзья Соболя переглянулись, кто-то замер с полуоткрытым ртом. София чуть приподняла бровь, оглядела его с головы до ног не с испугом, а с каким-то ленивым любопытством, и спокойно ответила:

– Правда? Купил? Все можешь купить?

Он вдруг замер на полуслове, будто споткнулся о невидимую преграду. Дыхание на мгновение прервалось, а мир вокруг словно потерял чёткость, оставив только её зеленые глаза. Он собирался отпустить очередную колкость, но слова застряли в горле. В этой глубине он увидел не просто грусть, он увидел одиночество, такое же знакомое ему, как собственное отражение. И в этот миг что-то переломилось. Все заготовленные шутки, все защитные механизмы рассыпались в прах. Вместо раздражения он почувствовал острое, почти болезненное желание просто сесть с ней рядом. Время для него остановилось. Он больше не слышал уличного шума, не чувствовал шепота класса – только взгляд, в который он неожиданно провалился.

С Софией творилось нечто подобное. Она замерла, словно время остановилось вместе с её дыханием. С первого взгляда что-то внутри неё дрогнуло. Не просто интерес, а глубокое, необъяснимое, незнакомое. Сердце забилося чаще, будто пыталось вырваться из груди, по венам разливалась тёплая волна, от которой слегка кружилась голова. Она поняла: это не просто симпатия. Это было похоже на возвращение домой – туда, где ей всегда было суждено оказаться. Туда, где ее избавят наконец от страданий.

Жар прилил к щекам, ладони невольно сжались, а сердце застучало так громко, что, казалось, он мог услышать.

– Эй! Вы там наконец договоритесь? – крикнул Ранец. – Урок идет, между прочим.

Соболь вздохнул побольше воздуха и ... присел рядом с Софией. Класс снова замер. Диана бросила на Софию уничтожающий взгляд. Такого никто не ожидал. Соболю даже Диане не позволял с ним сидеть за одной партой. Все понимали – это начало борьбы.

– Этого я и боялась, – прошептала Елена Дмитриевна.

Вечер, опустившийся на Снежный был такой красивый, что София невольно засмотрелась в окно. За окном медленно опускались сумерки, размазывая по стеклу последние золотистые полосы дня. София сидела на подоконнике, подтянув колени к груди, и сжимала в руках школьную тетрадь, ту самую, где на полях она сегодня машинально вывела дрожащим почерком: «И. С.».

Она закрыла глаза, и тут же перед внутренним взором вспыхнул этот день. Перемена. Коридор гудел, как растревоженный улей: кто-то смеялся, кто-то кричал, хлопали двери, смеялись ученики, разговаривали учителя. София стояла у окна, теребя лямку рюкзака, и пыталась убедить себя, что ей всё равно, выйдет ли Игорь из кабинета физики или задержится, обсуждая с учителем какую-нибудь задачу. Она повторяла про себя: «Мне неинтересно. Я даже не смотрю в ту сторону».

А когда он вышел, всё вокруг будто на секунду замерло. Не нарочно, не для неё, а просто так совпало: гул коридора стал глуше, свет из окна лёг на его волосы тёплым ореолом, а глаза... София тогда даже не успела подумать, какого они цвета: серые, синие, зелёные? Снова, как на уроке английского – снова также. В них было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание, будто кто-то резко выбил воздух из лёгких. Он посмотрел на неё, будто увидел впервые. В этом взгляде не было ничего особенного, если судить по школьным меркам. Ни улыбки, ни намёка на флирт, ни даже намёка на что-то большее, чем простое любопытство. Просто взгляд. Но для Софии он стал точкой невозврата. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок, а потом всё тело залилось горячей волной. Ей вдруг стало страшно, что он сейчас отвернётся, и этот момент исчезнет, растворится в шуме коридора, и она больше никогда не почувствует этого странного, почти болезненного трепета. Но Соболю не отвернулся сразу. Ещё несколько

секунд он смотрел, будто пытался что-то прочитать в её лице, что не прочитал в первый раз. И в эти секунды София действительно утонула. Не в глазах, а в этом мгновении, в этой тишине внутри себя, где вдруг стало слышно, как бешено колотится сердце.

Сейчас, сидя дома, в тишине своей комнаты, она снова чувствовала то самое ощущение падения, свободного и неизбежного. Ей хотелось одновременно плакать и смеяться от того, как сильно всё перевернулось из-за одного взгляда, и от того, как странно теперь осознавать, что этот день был всего лишь днём, а его взгляд всего лишь взглядом. Но для неё он стал целым миром. Миром спасения от той безысходной тоски, в которую она была погружена уже не первый год.

Физика никак не решалась, а конспект по литературе и вовсе даже не начинал писаться. Уроки остались где-то позади – София еще раз вспомнила его глаза. В них был какой-то особенный мир, в котором она утонула навсегда. Одноклассники еще долго потом шептались, обсуждая случившееся, но ее это уже не волновало. София понимала, что сегодня случилось нечто такое, чего ей не простят, но она была к этому готова.

– Сонечка, ты дома? – услышала она голос отца из коридора.

– Да, папа. Уроки делаю.

– Я зайду? Нам нужно поговорить.

– Конечно, дверь открыта, – удивилась София.

Отец не любил разговоры. Значит, что-то произошло.

Он вошел в комнату. София отметила, что выглядел отец неважно. Он был уставший, осунувшийся.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Дочка, я был в школе.

– Зачем? – София вздрогнула.

– Мне позвонила твоя классная руководительница и попросила прийти.

– У меня нет проблем в школе.

– Есть, милая. Я хотел поговорить с тобой о переводе в другой класс.

– Это еще зачем? – удивилась она.

– Елена Дмитриевна меня очень напугала, что с тобой могут там происходить нехорошие вещи.

– Например?

– Этот парень...

Было видно, что отец подбирает слова, что ему не очень удобно говорить с ней на эту тему.

– Какой парень? – София сделала вид, что не поняла, о ком речь.

– Сын мэра.

– А что с ним не так?

– Елена Дмитриевна сказала, что он тобой заинтересовался, но его интерес всегда приводит к трагедиям. Он что-то затевает.

– Ты заместитель мэра, вот и поговори с ней о ее сыне. Мне все равно, что он там затевает, я хожу в школу, чтобы учиться. Меня не интересуют их интриги.

– Я говорил с ней. Это бесполезно. Она не имеет на него никакого влияния. Он разбалованный мажор.

Степан поморщился, вспомнив о сегодняшнем разговоре в кабинете мэра. Алла Петровна была красивой женщиной, Степан решил, что даже очень красивой: высокой, стройной, с шикарными темными волосами, которые она то убирала в аккуратный пучок, то носила распущенными, стильно уложенными. Ее зеленые глаза резко выделялись на лице и делали его ярким и необычным. Она была больше похожа на модель, чем на мэра города. Ей эта долж-

ность совсем не подходила. Но это было только на первый взгляд. Эта женщина очень хорошо разбиралась в управленческих делах и руководила городом уверенно и грамотно.

– Присаживайтесь, Степан Викторович. Коньячку? – спросила она, подойдя к стеклянному шкафу.

– Нет, спасибо. Не пью на работе, да и вообще.

– Что «вообще»?

– Стараюсь не употреблять спиртное.

– Проблема?

– Нет, алкоголиком я никогда не был, если Вы об этом. После смерти жены я растерялся и потерялся в этой жизни. Вот тогда и начал выпивать. Нет, в запой не уходил, но стал искать истину на дне стакана довольно часто.

– И что же остановило?

– Дочь. У нее кроме меня никого не осталось. Что она видела? Из семьи, где царило счастье, мир и покой, она попала в ад. Смерть матери ее потрясла, еще и я опустил ее в страдания.

– Да. Я понимаю. Я тоже вдова. Мой муж разбился на машине. В пьяном виде, между прочим. С его пьянством я боролась, как могла. Тысячу раз забирала ключи от машины, но он меня не слушал. Знаете наш серпантин? Конечно, знаете – вы же сюда по нему ехали. Вот там он и слетел в пропасть в прошлом году.

– Примите мои соболезнования.

– Спасибо. Отношения у нас, правда, уже давно были плохие, как только я стала мэром. Он не принял моего назначения. Ну, как там у вас, мужчин, бывает.

– Не знаю, как бывает. Я был бы рад за жену.

– Какой Вы необычный! – рассмеялась Алла Петровна. – А у меня к Вам предложение – давайте общаться как-то попроще! Нам вместе работать. Нет, на людях будем держать субординацию, а так предлагаю перейти на ты. Идет?

– Давай попробуем, – улыбнулся Степан.

– Ты хотел мне что-то сказать?

– Да, я по поводу твоего сына. Меня сегодня приглашали в школу.

– Тебя приглашали в школу по поводу моего сына? – взгляд Аллы стал жестким.

– Нет, ты не волнуйся. Он проявил интерес к моей дочери. Их классная обеспокоена этим фактом.

– Не понимаю паники. Они взрослые. Твоя дочь могла ему понравиться. Что тут такого?

– Дело в том, что она говорит, что Игорь что-то задумал. Поговори с ним, пожалуйста. Моей дочери хватит страданий.

– И не подумаю. Я давно не лезу в личные дела сына. Да и он не будет со мной об этом говорить. Ты чего переживаешь? Сами разберутся.

... – Ну, какое-то влияние она все же имеет. Так не бывает, – голос дочери вернул Степана в действительность.

– Какое-то – да, но не в его личных делах. Во всяком случае, она мне так сказала.

– Папа, я не буду переходить еще в один новый коллектив. Я только начала привыкать к этому.

– Я понимаю, что я не могу с тобой разговаривать так, как бы это сделала мама...

– Пап, не нужно, пожалуйста. У меня все нормально. Я справлюсь. Ты можешь не волноваться.

– А я волнуюсь. Мне он не нравится.

– Мне тоже, – постаралась сказать София, как можно увереннее. – Ой, о ком ты? О коллективе?

– И о нем тоже, но сейчас я говорю о Соболеве. Держись от него подальше, хорошо? Не поддавайся ни на какие его уловки.

– Я так и сделаю.

– И еще. У него есть девушка. Пожалуйста, не связывайся и с ней. Я знаю, на что способны эти обиженные современные брошенки.

– Хорошо. Я все поняла. Учеба – и больше ничего, – сказала София и уткнулась в тетрадь по физике.

Степан понял, что разговор окончен.

– Девушка... Сейчас глянем, – прошептала София, когда отец прикрыл за собой дверь, и открыла соцсети.

На странице Дианы были тысячи фотографий, но ни одной с Игорем. София постаралась найти его профиль, но так и не смогла. Все одноклассники имели профили в ВК, кроме него. На школьной странице она нашла единственное фото футбольной команды, где Игорь стоял в самом центре и улыбался. И все. Она распечатала фото, вырезала его изображение и спрятала в письменный стол.

Утро в Снежном выдалось таким серым, будто кто-то стёр с неба все краски. Город покрылся серой дымкой и являл собой печальное зрелище. Противный дождь шёл с самой ночи. Это даже был не дождь, а бесконечная мелкая морось, которая пробиралась под воротник, оседала на ресницах и делала мир каким-то размытым.

Главная улица городка, где и стояла школа, выглядела сейчас совсем не торжественно. Асфальт потемнел и блестел, как мокрый сланец, отражая тусклое небо и редкие фонари, которые ещё не успели выключить. Лужи разлились по выбоинам, соединяясь в целые озёрца, и каждый шаг прохожих рождает всплески, разлетающиеся мелкими брызгами.

София пробиралась по этим лужам и злилась на них, что они доставляли ей дискомфорт. Она уже поняла, что утро в Снежном почти всегда начинается вот так – с дождя и тишины, нарушаемой лишь редким гудком машины да стуком капель по жестяным крышам. Сентябрьский ветер, холодный и колющий, гнал по улице обрывки газет и опавшие листья, прижимая их к заборам. Он словно хотел стереть последние следы вчерашнего дня, оставив только эту серую, влажную пустоту. А София не хотела, чтобы вчерашний день был стерт, поэтому еще больше ненавидела дождь.

Она вдыхала запах маленького сибирского городка, который каждое утро встречал дождь с терпеливым смирением, будто знал: рано или поздно тучи разойдутся, и солнце снова высушит лужи, но пока... пока нужно просто переждать. И она знала, или просто верила в это.

В школе было тихо.

– Ты чего в такую рань? – спросила Лиза, увидев, как София выходит из раздевалки.

– А ты чего?

– Я сегодня дежурная, Хелен попросила прийти пораньше. Ей что-то там помочь нужно.

– Я тоже могу помочь, раз пришла.

– Точно? Тогда пошли. Вдвоем быстро управимся. Может, она имела в виду перенести для тебя парту?

– Какую парту? – спросила София.

– Ты не выпалась что ли? Думаешь, Соболь до Последнего звонка с тобой сидеть будет?

– Ах, это! – выдохнула София.

– Ах, то! Пошли в учительскую! Хелен там, наверное.

Но классная попросила их разложить по стопкам огромную кучу тетрадей.

– Девочки, три дня подряд все классы писали входные работы, я тут все перепутала. Разложите по классам, пожалуйста, а я пока попрошу дядю Гришу принести тебе, София, парту.

– Не волнуйтесь, Елена Дмитриевна, все сделаем, – сказала Лиза.

– Кто такой дядя Гриша? – тихо спросила София.

– Слесарь вроде. Хотя, он тут на все руки мастер, – ответила Лиза.

Звонок прозвенел резко и пронзительно.

– Пошли! У нас физика. Галина терпеть не может, когда опаздывают, – сказала Лиза и потянула Софию за рукав.

Они вошли в класс. В среднем ряду уже стояла одинокая парта, а за той, у окна, сидел Соболев. Он что-то писал в телефоне и не обращал ни на кого внимания.

– Доброе утро, мои дорогие. Присаживайтесь, – громко сказала физичка.

Ученики ее любили. Ей было чуть за пятьдесят, но она была на одной волне с ними, и дети это ценили. При все при том она не давала никому переступить ту грань, которую в отношениях учитель-ученик нельзя было ломать.

– Кого я вижу! Соболев! Ты – и к первому уроку? Почтил меня своим вниманием! Ты не заболел?

– И Вам здравствуйте, Галина Фёдоровна. Я здоров. Просто не спалось.

– Ты, случаем, не влюбился?

Класс сначала замер, а потом тихонько загудел.

– Ну, если я в кого-то и влюблюсь, то только в физику. Только в нее.

– Мне жаль, но это будет несчастная любовь, без взаимности.

– Почему Вы так в этом уверены? Мне девушки не отказывали еще ни разу в чувствах.

– Так это, Соболев, девушки! А это наука, хоть и женского рода. Тут у тебя нет шансов.

Проверим?

– О! Нет. Спросите новенькую. Она точно с физикой дружит.

София готова была провалиться сквозь землю.

– Нет, не сегодня. Сегодня у нас лабораторная. По парам. Кстати, София, пересядь к Игорю, пожалуйста.

– Зачем это еще? – запротестовал Игорь.

– Соболев, проснись. Ты меня плохо слышишь? По парам! Остальные все уже при парах!

– Можно мне пересесть к Соболеву? – поняла руку Диана.

– На месте сиди, – ответила ей Галина Федоровна. – София, я жду.

София бросила взгляд на Соболя. Черные пряди челки закрывали его глаза, он снова что-то писал в телефоне. С сильно бьющимся сердцем она взяла учебник, тетрадь и пенал и присела к окну. Соболев не реагировал и не разговаривал с ней.

– Записываем в тетрадях число, лабораторная работа номер один, – выкрикнула физичка, но мысли Софии были очень далеко от физических законов.

Она уставилась в окно, пока учитель раздавала приборы, наблюдая за каплями стекающими по стеклу, чтобы только не смотреть в его сторону.

– Что там? – вдруг насмешливо спросил он.

– О чем ты? – вздрогнула София.

– За окном. Что там? Ты так внимательно разглядываешь.

– Там мерзкий дождь.

– Не любишь дождь?

София закрыла глаза. Картина прощания с мамой снова возникла в памяти. И этот дождь, что стучал по нервам, этот проклятый дождь...

– Не люблю, – ответила она тихо.

– Соболев, ты опять про любовь? Мучишь девочку вопросами прямо на уроке? – прозвучал над головой голос учителя. А ты, девочка, молодец. Ответ верный.

Галина Федоровна нависла над ними с приборами для лабораторной. София вздрогнула и отвернулась от окна, придвигая к себе тетрадь

– Вы эту тему первая начали, если что, – очаровательно улыбнулся ей Соболев. – Может, это Вы влюбились? Любви все возрасты покорны.

В классе захихикали.

– Спасибо, что напомнил мне о моем возрасте. Отметка за лабораторную на два балла ниже.

– За что? – удивился Соболев.

– За то, что результат вряд ли превзойдет мои ожидания. И за язык. Работайте.

София вышла из школы и вдохнула свежий воздух. Какой-то странный день получился. Ее никто не трогал, не задирали, Игорь больше с ней не общался, даже не смотрел в ее сторону. Она шла по дороге и думала о нем, как вдруг споткнулась о корень дерева и вывалилась на проезжую часть. Тормоза завизжали, а нога резко дала сигнал бедствия.

– Ты с ума сошла? – услышала она крик Соболева. – Ты чего под колеса лезешь?

Тут же вокруг них собралась толпа одноклассников. Многие смотрели с нескрываемой радостью на эту картину. Только Диане было не до смеха. Она поняла, что жизнь уже не в первый раз сводит их вместе, что Соболев ведет себя с ней как-то странно. Она его не узнавала.

– Это ты водить не умеешь! – тоже крикнула София.

– Я не умею? Ты с тротуара завалилась мне под колеса! Я должен был это предвидеть?

– Все равно не умеешь! И права куплены!

– Если бы я не умел, ты бы сейчас лежала не на дороге, а под колесами. Я с девяти лет вожу механику, а тут автомат. Что тут не уметь-то? Ты как? Идти сможешь?

– Не знаю.

София встала с помощью Лизы, но наступить на ногу не смогла.

– Все! Садись в машину! – командовал Соболев.

– Игорь, давай я вызову скорую, – предложила Диана. – Мы даже с ней вместе подождём.

– Садись в машину! – повторил Игорь Софии и повернулся лицом к одноклассникам. – Я сам ее отвезу. Представление закончилось. Просьба разойтись.

По дороге в больницу они не проронили ни одного слова. Игорь злился на себя. Он понимал, что эта девчонка ломает его привычный уклад жизни. Она сама не понимала, что происходит. Дождь хлестал по лобовому стеклу, размывая силуэты прохожих в мутные желтые пятна. Игорь вцепился в руль, костяшки пальцев побелели, а взгляд то и дело срывался с дороги на Софию. Она сидела, прижавшись к пассажирской двери, будто боялась даже случайно коснуться его. Её лицо было бледным, почти прозрачным в отсветах приборной панели. Правая нога, неловко подвернутая после падения, лежала неподвижно, и Игорь старался не смотреть на неё. Потому что если начнет, если позволит себе хоть на секунду задуматься о том, что происходит в его душе, то начнет понимать. А понимать было страшно.

«Я чуть не наехал на нее», – эта мысль крутилась в голове, как заезженная пластинка, царапая изнутри. Он помнил тот миг: резкий скрип тормозов, её распахнутые глаза, и он успел увидеть в них не страх, а какое-то странное, почти детское удивление будто она сама не верила, что это происходит.

И теперь эта девочка, почти незнакомая, сидела рядом, и её реальность врывается в его привычную жизнь, как ураган в тихий дом.

Игорь сжал зубы. Его мир был выстроен по линейке: школа – дом – друзья – машины. Никаких сюрпризов, никаких неожиданностей, никаких серьезных чувств. Он любил эту предсказуемость, как любят тёплый плед в холодный осенний вечер. А теперь всё пошло трещинами.

София тихо поморщилась, когда машину подбросило на выбоине. Игорь тут же сбросил скорость, ругая себя за невнимательность.

– Прости, – выдохнул он, не глядя на неё. – Не заметил яму. Уже приехали.

Она наконец повернула голову. В её глазах не было упрёка, только усталость и какая-то тихая растерянность.

– Я не хотела... создавать тебе проблемы, – прошептала она, голос дрожал. – Ты же ехал куда-то?

Игорь хотел сказать, что всё в порядке, что это пустяки, но слова застряли в горле.

«Она сломала мой мир, – думал он, чувствуя, как эта мысль оседает в груди тяжёлым, но странным образом успокаивающим грузом. – Но, может быть, он и не стоил того, чтобы его беречь».

Машина вынырнула из дождя, впереди замаячили огни больницы. Игорь глубоко вдохнул и повернул руль, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает хватку.

Но не до конца. Потому что он уже знал: даже когда рентген будет сделан, когда врач скажет, что всё не так страшно, как казалось, есть еще и ее отец, который точно не скажет ему спасибо.

Игорь не хотел дотрагиваться до нее. Это было слишком.

– Сиди тут. Я за медперсоналом, – сказал он Софии.

– Я дойду, наверное, – тихо ответила она.

– Сиди тут, – повторил он отчетливо.

София подчинилась его строгому тону. Он действовал на нее, как гипноз. Все, что происходило у нее с Соболев, было словно во сне. София не строила иллюзий, но не могла и на минуту выбросить из головы мысли о нем.

Софию привели в холл и усадили на кушетку. Прошло пятнадцать минут. Игорь нервничал.

– Девушка, сколько еще ждать? – спросил он у медсестры на ресепшен.

– Врачи все заняты. Ждите.

– Вы меня не поняли. Ей нужно сделать рентген! И быстро!

– Не мешайте мне работать! – вдруг резко сказала девушка.

Игорь наклонился к стойке, посмотрел ей в глаза.

– Я, между прочим, могу сделать так, что ты вообще не будешь нигде работать, у тебя появится время, чтобы научиться разговаривать с людьми, – обворожительно улыбаясь, сказал он.

В этот момент другая медсестра что-то сказала ей на ухо.

– Я сейчас схожу за врачом, – покраснев ответила она.

– Вот так бы и сразу, – снова улыбнулся Игорь и подмигнул второй медсестре.

– Так, что тут у нас? – спросил доктор. – Нога? Отлично. Игорь? Ты что ли? Привет. Как жизнь? Ты девушку привез?

– Здравствуйте, Илья Андреевич. Да, она упала и подвернула ногу. Посмотрите?

– Разумеется, не только посмотрим, но еще и потрогаем. На первый взгляд перелома нет, но рентген покажет точнее. Марина, каталку сюда и отвезите девушку на рентген. Как звать? – доктор обратился к Софии.

– София, – немного смутившись, ответила она.

– Прекрасно. Игорь. Жди. Привезем твою девушку через полчаса.

– Это моя одноклассница, – твёрдо сказал Игорь.

– Это дела не меняет, – улыбнулся Илья Андреевич.

«А ведь он прав, это ничего не меняет», – подумал Игорь.

Его внутренняя сущность зверя – свободного, смелого, сильного – боролась сейчас с ситуацией. Эта слабая девчонка ворвалась в его жизнь непонятным образом, спутала все карты, посеяла волнение и тревогу. До нее все было привычно и размеренно. Он жил по закону джунглей. Сейчас закон стал меняться. И Игорь даже представить себе не мог, что делать дальше.

Его имидж крутого парня, которому никто не нужен, стал рушиться. Нет, он не мог этого допустить. Нужно был взять себя в руки, не смотреть ей в глаза, в которых он тонул, не думать о ней.

София сидела на кушетке с тугой повязкой на ноге и испуганными глазами.

– Я же говорил, что все в порядке, небольшое растяжение, до свадьбы заживет, – сказал доктор, рассматривая снимок. – Домой можно через полчаса. Я удалюсь, молодые люди, маме привет.

– Спасибо, Илья Андреевич, но привет вряд ли.

– Почему? – удивился доктор.

– Она начнет спрашивать, что я делал в больнице, а этих расспросов не люблю.

– Хорошо, понял, – подмигнул доктор и удалился.

В эту минуту, как вихрь, к кушетке подлетел Степан.

– Дочка, ты как? Как же это? Что сказал доктор? – затараторил он.

София испугалась, и ее глаза стали еще больше.

– Папа? Ты тут откуда?

– Ниоткуда! Перелом? Он сбил тебя? – спросил Степан, не обращая внимания на Игоря.

– Папа, никто меня не сбивал. Я сама упала ему под колеса. Он мне помог добраться до больницы.

– С ней все хорошо, так сказал доктор, – вставил Игорь.

– А с тобой я потом поговорю! – закричал Степан и задернул занавеску прямо перед его лицом.

– Я так понимаю, что я свободен, – прошептал Игорь и пошел к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.